

ИЗЪ ДНЕВНИКА ПАЛОМНИКА

Четвергъ 7-го окт. 1910 г.

Угомонился день и „тихо ночь подошла“, такая звѣздная, такая таинственная... одна лишь мысль заплонила душу и сердце—то радостное сознание, что мы „паломники“, что вотъ-вотъ тронемся въ далекий путь, въ манящей всѣхъ насъ Кіевъ, на поклонение его великимъ святынямъ... Около полуночи мы помолились въ своей приходской церкви „чиномъ благословения въ путешествіе“, съвоодушевленіемъ пропѣли умиленную пѣснь нашей Небесной Покровительницѣ, своему патрону Архистратигу Михаилу, и потянулись къ сборному пункту, ж.-дорожной ст. Хотыловъ. Насъ, счастливецъ изъ с. Воскреницы было 9 человекъ: священникъ, псаломщикъ и 7 человекъ пѣвчихъ.

*Пятница 8-е октября 2 ч. утра,
ст. Хотыловъ.*

Уже провѣрены списки паломниковъ—и оказалось всѣхъ изъ I-го Бѣльскаго благочинія 70 человекъ. Какое священное число! Подляшье выслало какъ бы своихъ 70 апостоловъ сказать древнему Кіеву, какъ у насъ крѣпка вѣра, что мы хоть и далеки отъ него, но все же близки и родные ему, что мы живемъ сознаниемъ единства съ Великой Россіей, что у насъ горитъ все тотъ же свѣтильникъ вѣры, который еще Св. Владиміромъ зажженъ въ его Холмской вотчинѣ... Въ предразсвѣтномъ туманѣ показался такъ долго жданный поѣздъ и мы веселой толпой двинулись въ его объѣтыя. Размѣстились. Не успѣлъ еще начальникъ станціи крикнуть „готово“, какъ паломники подъ управленіемъ псаломщика Харитона Качура громко

запѣли „Пречистая Дѣво, Мати русскаго краю“... Всѣ обнажили головы, наступила трогательная картина: 2 священника—руководителя (изъ с. Ортель Королевскаго и с. Воскрыницы), маститый цсаломщикъ и 70 сѣрыхъ подляшскихъ крестьянъ единымъ сердцемъ и едиными устами въ столь необычной обстановкѣ возсылали хвалу Той, что лучше всѣхъ знаетъ горе и скорбь своего народа... Много насъ было, но единство цѣли и общее воодушевление связало насъ въ одну семью, которую полонилъ религиозный подъемъ духа; у многихъ заискрились на глазахъ слезы, слышались вздохи и стало всѣмъ намъ какъ-то особенно тепло и уютно... Да! не перечестъ этихъ вздоховъ, что послала къ Небу Подляшская Русь, не считать тѣхъ слезъ, что пролила она за свою долгую и многострадальную жизнь!... На остановкахъ поѣздовъ подходятъ пассажиры, прислушивается къ пѣнію Богогласника, закидываютъ вопросами: кто, куда, откуда?... Изъ толпы выдѣлился солдатикъ съ просьбой перелать поклонъ „сродственнику іеродіакону Назарію у Кыиви — отъ Авксентія Коваля,—такъ и скажите!“ Хорошо! скажу! успокоилъ я сродственника“...

Ст. Брестъ-Литовскъ 9 ч. утра.

Тутъ пересадка на новый путь—Юго-Западную жел. дорогу. Смѣнилась кондукторская бригада. „Ага, изъ Польши? Тамъ еще есть православные?“... Слышится пренебрежительное слово. „Что за вопросъ!“ „Развѣ не знаете, что насъ больше 200000!“ Цифра произвела впечатлѣніе и стыдно стало совопросникамъ, обокъ живущимъ съ нами и коснѣющимъ въ такомъ непростительномъ невѣжествѣ... А пѣвчіе все еще въ полосѣ религиознаго воодушевленія и неутомимо, безъ передышки поютъ и поютъ... Безсонная ночь, пережитыя волненія утомили брѣнное тѣло и оно напомнило о своихъ потребностяхъ. Вотъ пропѣли утреннія молитвы и всѣ принялись за свои тощія котомки, куда заботливая рука положила незатѣйливыя снѣди. Пошли разговоры, обмѣнъ мыслей. Многие ѣхали по ж. дорогѣ первый разъ въ жизни и все вызывало въ этихъ дѣтяхъ природы взрывы восхищенія, недоумѣнія, замѣчаній, восклицаній. А пѣвчіе тѣмъ временемъ,

пожевавъ немного хлѣба, снова запѣли... Мы уже неслись по землѣ Волинской и чѣмъ дальше увлекалъ насъ мчавшійся поѣздъ, тѣмъ сильнѣе чувствовалась какая-то легкость и свобода духа, какъ будто крылья отрастали; уже начала выпадать изъ сознанія вся эта „польскоць“, „пшепрашамъ“, заносчивыя польскія лица, подозрительныя злыя взгляды, вся эта накипь вѣкового озлобленія, обидь и „культурной“ польской травли, что давно всѣмъ намъ набило оскомину и нашу жизнь превратило въ какое-то безпросвѣтное „житіе“... Въ Ковлѣ одинъ крестьянинъ спросилъ „може батюшка и тутъ мають лѣкарства?“ Оказалось, что у его односельчанки открылась ужасная зубная боль. И какъ кстати оказалась взятая мною дорожная аптечка! *Cocain, acid. carbolic., ol. belladonnae* сдѣлали свое дѣло и благодарная улыбка озарила измученное лицо.—Мелькають станціи, деревни, села; по сторонамъ полотна ж. дороги видны такія красивыя церкви, все съ зелеными куполами, такой изящной архитектуры.. и вспомнилось мнѣ скрывшееся съ глазъ Подляшье съ его еще убогими церквами, мѣстами совсѣмъ безъ куполовъ, некрашенныя... и сердце сжалось щемящей болью и стало такъ тоскливо на душѣ.. День клонился къ вечеру. Станція Ровно, гдѣ большая остановка. На перронѣ подошелъ ко мнѣ батюшка и обратился со словами: „полѣчите меня, давно страдаю!“ На мое недоумѣніе незнакомецъ разочарованно замѣтилъ: „такъ Вы не участковой врачъ NN?“... *Qui pro quo* вскорѣ разрѣшилось. Оказалось, что вблизи гдѣ-то есть участковый врачъ-священникъ, извѣстный удачнымъ лѣченіемъ желудочныхъ заболѣваній, по внѣшнему виду похожій на автора сихъ строкъ—это и послужило поводомъ къ настоящему инциденту. 2-ой звонокъ помѣшалъ узнать всѣ подробности и, когда поѣздъ тронулся, то подъ мѣрныя покачивания вагона, мнѣ все мерещилась живая дѣятельность того счастливецъ-священника, который умѣлъ соединить въ своемъ лицѣ врача душъ и тѣлесъ, тотъ желанный типъ въ Россіи, гдѣ одинъ врачъ приходится едвали не на 80000 народонаселенія и беспомощный народъ сплошь и рядомъ гибнетъ отъ совершенныхъ пустяковъ... Въ вагонахъ зажгли фонари. Паломники пропѣли вечернія молитвы и расположились спать въ радостномъ предчувствіи

утромъ увидать Кіевъ и все то, что связано съ этимъ
именемъ для русскаго вѣрующаго человѣка...

Свящ. *А. Романовскій.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

III.

Изъ дневника паломника.

9-е октября, суббота,
ст. Кіевъ.

Забрезжило утро раннее и свѣжее. Вся наша семья уже на ногахъ. Сердце забилося трепетомъ сладкихъ предчувствій, на лицахъ появилась тихая улыбка — то усталые пугники достигли давно желанной пристани.. Вотъ онъ Кіевъ, „городъ чудный, городъ древній!“ Но не шумъ узлового вокзала, не потокъ суетливыхъ людей, не говоръ разныхъ нарѣчій насъ заинтриговаль, — не того намъ было, — мы подняли благодарные взоры „горѣ“ и, въ синевѣ небесъ, намъ навстрѣчу заблестали золотомъ кресты древнихъ историческихъ храмовъ.. Толпа подляшскихъ паломниковъ, съ котомками, корзинками, предводительствуемая двумя священниками, обращала на себя вниманіе рано проснувшихся прохожихъ кіевлянъ. „Откуда

будете?“, спросила крестьянка-молочница, и когда услышала отвѣтъ: „изъ Польши“, то стала усиленно креститься и шептать: „идыть, идыть“... Подметавшій тротуаръ сторожъ замѣтилъ вслухъ: „въ лавру ведутъ крестить“,.. а мы крещенные огнемъ испытаній своей далекой родины, дѣйствительно, шли въ Лавру, но для того, чтобы душой тамъ отдохнуть и набраться силъ для той жизненной борьбы, что ждетъ насъ на родномъ Подляшѣ... Съ каждымъ новымъ шагомъ предъ нами открывались новыя красоты живописнаго города и, какъ-то совершенно не замѣтно, мы очутились передъ громадой Владимірскаго собора. Представленіе объ этомъ сооруженіи русскаго генія мы уже имѣли, но полнота художественнаго впечатлѣнія сказалась лишь тогда, когда мы, такъ сказать непосредственно осязали все своими руками и осмотрѣли все своими очами. Вотъ нашу братію осянилъ таинственный полумракъ собора, на насъ глянули, какъ живые, одухотворенные лики святыхъ, а когда изъ алтаря вырисовался дивный образъ Богоматери, тогда мы невольно воскликнули словами Церкви: „на небеси стояти мнимъ“... Мы поняли, что такъ писать можетъ только человѣкъ глубоко религіозный, для котораго небо не пустой звукъ, вдохновенная работа—это то же, что пламенная молитва. Захотѣлось и намъ молиться,—почудилось, будто мы стоимъ въ той нескончаемой вереницѣ людей разныхъ званій и состояній, что раньше насъ приходили и будутъ приходить сюда и въ благодатномъ Материнскомъ взорѣ находили и будутъ находить успокоеніе, радость, надежду... Между тѣмъ, крестьяне зажгли свои трудовые свѣчки и колѣнопреклоненно шептали молитвы... Отъ пережитыхъ впечатлѣній мы очнулись въ Лаврѣ, гдѣ нашли предупредительную заботу со стороны высокоуважаемаго намѣстника Лавры, о. Амвросія и родственныи пріемъ отъ низшей братіи. Первое, что обратило наше вниманіе въ Лаврѣ—это массы хромыхъ, слѣпыхъ, калѣкъ, большихъ и малыхъ, что наполняютъ подворье Лавры. У входа въ Лавру насъ встрѣтилъ своеобразный звонъ—цѣлая хроматическая гамма звуковъ—то лаврскіе часы извѣщали объ истекшемъ времени. Съ необычайной поспѣшностью мы побросали свои котомки, лишнюю одежду и, бо-

ясь потерять хотя одинъ мигъ напрасно, отдали себя всецѣлое въ распоряженіе послушника. Намъ, какъ дѣтямъ, все казалось необычайнымъ, мы безъ конца закидывали вопросами добраго нашего пугеводителя. Вотъ онъ повелъ насъ въ ближнія пещеры. По одному, каждый со свѣчей въ рукахъ, опустились мы въ нѣдра земли, въ „русскія катакомбы“. Не изгладится изъ памяти та гробовая тишина, что окутала насъ въ темномъ узкомъ подземельѣ. Взволнованное сердце затрепетало предчувствіемъ какой-то тайны, земля со всѣми ея радостями была забыта и только монотонный голосъ путеводаителя, называвшаго имена почивающихъ святыхъ, выводилъ насъ изъ самозабвенія. Съ благоговѣніемъ нашъ слухъ воспринималъ имена „древнихъ“, что такъ скрывались отъ міра и которыхъ все же міръ нашель, и нынѣ у ихъ нетлѣнныхъ останковъ поучается живой вѣрѣ и благочестію... Здѣсь услышали мы близкое русскому сердцу и родное имя преподобнаго Нестора Лѣтописца,—и невольно всталъ дорогой съ дѣтства образъ того смиреннаго инока, что „не мудрствуя лукаво“, писалъ „земли родной минувшую судьбу“ и оставилъ въ назиданіе потомкамъ свой долготлѣнный трудъ „Откуда есть пошла русская земля“...

Осмотрѣвъ ближнія пещеры, мы отправились осматривать дальнія.

Почти 25 саженой мы спускались внизъ по ступенямъ лѣстницъ и очутились, наконецъ, у входа въ Д. пещеры. Приложившись къ мощамъ 45 преподобныхъ, среди которыхъ мы видѣли и осиротѣвшее ложе св. Евфросиніи Полоцкой, мы опустились по скату холма еще ниже и увидали древніе колодцы преподобныхъ Антонія и Θεодосія. Когда мы поднялись наверхъ, то въ главномъ храмѣ уже началось вечерня. Уставная служба съ отрокомъ-канонархомъ, огни свѣчей, дымъ кадилъ, мощный лаврскій напѣвъ, такъ на душу хватящій,—все это навѣяло непередаваемое ощущеніе блаженства и мира и покоя душевнаго.

Послѣ вечерни къ намъ подошелъ почтеннаго вида старецъ о. игумень и любезно сообщилъ, что мы еще можемъ захватить службу въ Софійскомъ соборѣ, куда мы и отправились.

На порогъ Софійскаго собора на насъ пахнуло сѣдою стариной. Вотъ „Нерушимая Стѣна“,—на ней изображена изъ художественно-исполненной мозаики Пресвятая Богородица. Когда-то, около 700 лѣтъ тому назадъ, полчища свирѣлаго Батыя неистовствовали въ Кіевѣ; все было предано огню, разрушенію,—но ни огонь, ни ѣдкій дымъ, ни удары крѣпкихъ бревенъ не могли разрушить и даже испортить эту стѣну съ ея святымъ Ликомъ. Вспомнилась исторія родины въ ея отдаленномъ прошломъ: всегда-то была скорбь, стенаніе и „воплъ многъ“. „Вспомнужь древняя и поучихся“...

(Продолженіе будетъ).

Свящ. *Θ. Романовскій.*

Изъ дневника паломника.

10 октября, воскресенье.

Вслѣдъ за о. намѣстникомъ Лавры и мы пошли въ церковь Бориса и Глѣба на Подолѣ. Чинно шла архіерейская служба. Молитвенно-задушевный голосъ Владыки Чигиринскаго, преосвященнаго Павла, проникновенно оглашалъ Божій домъ. Тутъ мы, никому невѣдомые, были участниками духовнаго пира и къ моленіямъ усердныхъ прихожанъ храма присоединили свои благодаренія и мольбы о томъ, чтобы Богъ соблюдалъ для Славы Имени Своего равностныхъ дѣлателей въ оградѣ церкви православной... Трогательно было наблюдать за школьниками, которые занимали едва-ли не половину храма и своими чистыми дѣтскими голосами совершали хвалу. Уже приспѣлъ

и конецъ Божественной Литургіи: на середину храма вышелъ преосвященный Архипастырь, окруженный двумя архимандритами и 16-ю священниками для совершенія молебствія. То былъ моментъ чествованія одного изъ добрыхъ пастырей Кіевской митрополіи. Изъ среды почетныхъ прихожанъ-богомольцевъ выдѣлился нѣкій благообразный мужъ и повѣдалъ намъ, какъ 18 лѣтъ тому назадъ на порогъ этого храма вступилъ кроткій, обходительный, доступный всѣмъ, скромный труженникъ и Служитель Слова, о. Михаилъ Е. Было тогда на мѣстѣ семь заупустѣніе: росъ виноградникъ, не имѣвшій заботливой и любящей руки. Но, вотъ, пришелъ онъ съ сердцемъ горѣвшимъ неизсякаемымъ источникомъ ревности о Богѣ, съ той пламенной вѣрой, которая, будучи какъ зерно горчичное, уже въ силахъ горы переставлять... и приходъ сталъ неузнаваемъ: темный, тѣсный храмъ — увеличенъ втрое, богатъ художественною живописью, горитъ золотомъ; при храмѣ школа—трехъэтажное зданіе, залъ въ два свѣта; устроены: дневной пріютъ на 150 дѣтей, приходское братство, общество трезвости, дамскій благотворительный комитетъ, библіотека. Въ знакъ выраженія любовной покорности своему доброму пастырю прихожане знатные и незнатные, богатые и убогіе, большіе и малые, счастливы поднести ему посохъ, а въ подкрѣпленіе дальнѣйшей благотворной дѣятельности—они просятъ принять драгоценный крестъ... Когда преосвященный надѣлъ на о. Михаила этотъ крестъ, вручилъ посохъ и произнесъ „аксіось“, то вся церковь соединилась въ единодушномъ выраженіи своего духовнаго восторга и пѣла, повторяя торжественное аксіось! Вотъ раздалось слово Архипастыря, который въ теплыхъ выраженіяхъ сорадовался доброму служителю Христову и въ знакъ своего благословенія осѣнилъ его иконой. Отвѣтная рѣчь о. Михаила была полна отгѣнками многоразличныхъ чувствъ, волновавшихъ въ эти минуты его душу. Сердце раскрылось и уста говорили отъ избытка; голосъ дрожалъ, прерывался, многіе плакали, свѣтились слезы на очахъ и Подляшскихъ поселянъ. Общій подъемъ воодушевленія захватилъ и насъ и въ этотъ моментъ торжества пастырскаго служенія казалось, будто наши внутреннія очи раскрылись глубже и

что-
лон
лал
род
той,

всѣ
дѣл
отв
пкв

Мы
и я
сер
лив
огъ
это
дли
сту
лет
стр
вѣд
гнѣ
рен
уст
сту
тен
сер
чер

во
во

о п
рас
епа
е
пи

что-то новое, хорошее мгновенно нахлынуло на душу, полонило—красотою духовнаго подвига, переродило ее, слѣлало зрѣлѣе... И, когда по выходѣ изъ храма, шумный городъ насъ манилъ своимъ внѣшнимъ блескомъ и красотой, то смотрѣли мы на его чары уже иными глазами: „Звуковъ небесъ замѣнить не могли... Скучныя пѣсни земли“. (Лермонтовъ).

Вечеръ.

Нужно было приготовить паломниковъ къ исповѣди. Мы собрались въ Лаврѣ предъ вечернимъ богослуженіемъ и я напомнилъ своимъ „трудникамъ“ о той безднѣ милосердія, какую всякій разъ въ таинствѣ покаянія небо изливаетъ на грѣшную землю... Такъ немного требуется отъ насъ—„одинъ лишь вздохъ-согрѣшилъ, не буду!... но этотъ вздохъ долженъ пройти небеса“ (Е. Теоф.). И по-длинно, сердце сокрушенное и смиренное найдетъ доступъ къ Престолу Божію и Чаша Господня тогда будетъ не въ „судъ и не въ осужденіе“. Съ такимъ настроеніемъ мы выслушали вечерню, приступили для исповѣди къ старцу-иноку, оттрясли отъ своего сердца прахъ гнѣздившихся въ немъ грѣховъ и прегрѣшеній и, примиренные съ Богомъ, разошлись по своимъ келліямъ. На устахъ паломниковъ замерло желаніе о скорѣйшемъ наступленіи утра, чтобы можно было выйти душею въ сретеніе Небесному Жениху, раскрыть Ему клѣтъ своего сердца, дабы въ немъ Онъ „обитель сотворилъ и свечерялъ“...

(Окончаніе слѣдуетъ).

Свящ. *Θ. Романовскій.*

ИЗЪ ДНЕВНИКА ПАЛОМНИКА.

(Окончаніе).

Какъ только тоненькій лучъ солнца заглянулъ въ маленькое оконце нашей келліи и любовно освѣтилъ наше ложе,—мы пробудились и радостно привѣтствовали этого гонца свѣта. Въ нашемъ сердцѣ все пѣло и радовалось наступленію утра. Мы спѣшили въ Трапезную церковь, гдѣ назначена была Божественная литургія. Какъ гармонировалъ этотъ чудный свѣтлый храмъ съ тѣмъ приборомъ радости духа, что свѣтилась на лицахъ паломниковъ! Не чувствовалось стѣнъ, мы видѣли только престолъ Царя Небеснаго и всѣми силами души сознавали, что мѣсто сіе свято. Лучи восходившаго солнца преломлялись въ куполѣ храма, золотили лица паломниковъ; церковь была

полна свѣта и намъ одного хотѣлось: чтобы длилось это чудное состояніе возможно дольше... Незамѣтно приходила къ концу обѣдня. Вотъ отверзлись царскія врата и чрезъ нихъ изнесены Пречистое Тѣло и Кровь Христова. Уже здѣсь, на землѣ, соединеніе со Христомъ въ таинствѣ Причащенія даетъ непередаваемое ощущеніе счастья и духовнаго восторга,—и какъ понятны слова апостола: око не видѣ, ухо не слыша и на сердце человѣку не въздоша, яже уготова Богъ любящимъ Его (I Кор. II. 9.) Мы имѣли въ сердцѣ залогъ жизни вѣчной и этимъ счастьемъ хотѣлось со всѣми дѣлиться: добро надо было здѣсь и, обездоленныхъ жизнью суровой, хотѣлось поднять въ другой міръ свѣта, и радости... Мы вышли изъ храма облагодатствованные той радостью, которой ничто уже земное замѣнить не можетъ. Мы обновились душой, намъ теперь казалась не страшной жизненная борьба. Хотѣлось объявить всему ополчившемуся злу жизни борьбу, нести утѣшеніе и радость вѣры ослабѣвшимъ бойцамъ.

Въ нашемъ распоряженіи нынѣшній день — былъ послѣднимъ днемъ пребыванія въ Кіевѣ. Нужно было воспользоваться имъ для обозрѣнія города и его достопримѣчательностей. Какъ лента кинематографа смѣнялись наши впечатлѣнія. Мы видѣли военный соборъ, построенный еще Мазепой; у паперти храма, входъ къ нему стерегутъ пушки — трофеи Полтавской побѣды. Въ Никольскомъ монастырѣ прикладывались къ чудотворной иконѣ Святителя Николая, явленной 800 лѣтъ тому назадъ. У Аскольдовой могилы нашъ проводникъ лаконически замѣтилъ: „1022 существуетъ время“... Намъ показывали могилу Преосвященнаго Сильвестра, Епископа Каневского. Вотъ удивительная личность: глубокій богословъ, 14 лѣтъ былъ слѣпъ, но читалъ лекціи и служилъ въ храмѣ до самой смерти. Когда проводникъ замѣтилъ, что тутъ, у Аскольдовой могилы, мѣсто для погребенія стоитъ 1000 рублей, то одна нехитрая душа подляшанина съ грустью воскликнула: „хиба тутъ страшно умирати“... Обратилъ наше вниманіе одинъ великолѣпный памятникъ; оказалось, что онъ поставленъ надъ прахомъ помѣщика Константина Пономаренко, который, спасая изъ подъ поѣзда чужого ребенка, самъ безвременно погибъ. Счастливы тѣ, кои

такъ прекрасно умѣють умирать, — имена ихъ не изгладятся изъ памяти народной и будутъ записаны на небесахъ! На памятникъ протоіерею о. І. Наумовичу мы прочли трогательную надпись: „Гонимому на родинѣ, принятому въ родной Россіи, печальнику Галицкой Руси“. Какъ много эта могила навѣяла на насъ тихой грусти и поучительныхъ воспоминаній. Человѣкъ всю жизнь боролся за счастье и благоденствіе своего народа, и послѣдній пріютъ дала ему все же не родина, а другая великая мать— Россія... На Владимірской горкѣ предъ нами открылась чудная панорама. Въ Михайловскомъ Златоверхомъ монастырѣ прикладывались къ мощамъ св. великом. Варвары; тутъ же намъ показывали икону, пожертвованную Государемъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ, стоимостью 52,000 рублей. Были въ Андреевской церкви. Въ Десятинной—опускались въ пещеру, гдѣ почиваютъ мощи св. Владиміра.—Совсѣмъ уже поздно вернулись въ Лавру и, едва передохнувъ, потянулись къ вокзалу, чтобы тронуться въ обратный путь. Отъ непривычки ли, а быть можетъ отъ того, что шумная суетливая жизнь большого города не по сердцу нашему крестьянину, но въ послѣдніе дни и часы пребыванія въ Кіевѣ наши паломники все говорили: „ой, батюшка, хучій до дому“... На пути возврата мы объ одномъ долго скорбѣли: Провидѣніе не благословило насъ видѣть Первосвятителя Кіевского и слышать митрополичье служеніе. Разставаясь со своими друзьями—паломниками, мы просили ихъ воспользоваться прежними мгновеніями благодатнаго прилива вѣры и хранить свои чувства отъ сомнѣній, упадка духа,—а въ трудныя минуты жизни, вмѣстѣ съ Апостолами молиться: „умножь въ насъ вѣру!“ (Лук. 17. 5.)

И когда мы прибыли въ дома свои, прикоснулись къ землѣ своей, обоняли запахъ родныхъ полей, лѣсовъ, луговъ, то предъ нами выросъ во всей своей притягательной силѣ тотъ родной и дорогой уголокъ земли, что зовется Холмско—Подляшской Русью. Знать „своя земля и въ грусти мила“ (В. Даль).

Священникъ *Θ. Романовскій.*
